

УДК 94(495).01

К ПРОБЛЕМЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ПЕРЕВОДА НОВЕЛЛ ЮСТИНИАНА I
ON THE PROBLEM OF THE JUSTINIAN'S NOVELS TRANSLATION
INTO RUSSIAN

Ю.А. Крейдун, В.В. Серов
Y.A. Kreydun, V.V. Serov

Барнаульская духовная семинария
Россия, 656008, г. Барнаул, пер. Ядринцева, 66
Barnaul theological college
66 lane Jadrintzeva, Barnaul, 656008, Russia

Алтайский институт экономики
Россия, 656011, г. Барнаул, просп. Ленина, 106е
Altay institute of economics
106e Lenin avenue, Barnaul, 656011, Russia

E-mail: krey70@mail.ru, wseroff@yandex.ru

Аннотация

Формулируется проблема русскоязычного перевода позднеантичных законодательных исторических источников. Выявляются практикуемые в отечественной историографии подходы к такому переводу. Наиболее перспективным признается подход, при котором необходимой считается возможно более точная передача изначально заложенных в источнике смыслов. В публикации разработаны правила корректного перевода законодательного памятника на русский язык, важнейшими из которых предлагается считать филологическую точность и максимально полную передачу исторического контекста источника. В качестве образца представлен перевод одной из новелл Юстиниана I, – новеллы III, которая до настоящего времени не переведена на русский язык полностью, – а также необходимые комментарии к этому переводу.

Abstract

The correct and adequate translation of Later Roman *leges* (imperial constitutions and novels) into Russian is the old philological and historical problem. It separates the modern Russian specialists in two main groups by their attitude to the translation. In one of these groups is dominated the preference of the literary decoration for the translated text, whereas the representatives of another group consider as necessary the safety and retranslation of the original content of this sources. Both these approaches have some deficiencies which distort the historical realities and senses set in a document. In the publication is proposed a new approach to the translation from Greek and Latin into Russian, in the frames of which the better qualities of aforesaid mentioned “philological” and “historical” methods have to be combined. As a result, finished translation of concrete source should be philologically accurate and historically precise. Necessary commentaries to it only explain the author’s choice of Russian-language equivalents for the special ancient terms and concepts. *Exempli gratia* here is given the firstly made full translation into Russian the text of Novel III of Justinian I, with some explanatory notes.

Ключевые слова: новеллы Юстиниана, проблема перевода на русский язык, филологический и исторический подходы.

Keywords: Novels of Justinian the Great, translation into Russian, philological and historical approaches.

История переводов текста новелл императора Юстиниана I на русский язык с целью научного использования данного важнейшего ранневизантийского источника не является длительной и пространной, как не является обширным и объём переведенного к настоящему времени материала данного источника. Едва ли это обстоятельство можно

признать серьезной проблемой или парадоксом [Максимович, 2007в, с. 29]: каждый исследователь юстиниановской эпохи вправе и даже обязан опираться на собственное прочтение конституций императора Юстиниана, а также предлагать свой перевод значимых фрагментов источника при изложении исторических реконструкций, опирающихся на данные императорского законодательства. При таком взгляде на предмет идея русскоязычной трансляции всего источника как будто должна подпитываться соображениями не столько его нужности для фундаментального исследования исторической эпохи, сколько важности популяризации уже полученных наукой знаний о ней и вовлечения в процесс их пополнения новых исследователей. Проблема целеполагания оказывается гораздо более важной и сложной, чем достижение некой отчетливо сформулированной задачи. И если цель создания популярной антологии переведенных источников вполне прозрачна, то подготовка профессионального академического перевода для целей сугубо научных предполагает наличие определенных обстоятельств, требующих именно такого перевода.

Опыт трансляции каких угодно нарративных источников на любой современный язык показывает, что в абсолютном большинстве подобных предприятий достигнутый итог воспринимается в научном сообществе неоднозначно, так как почти всегда оставляет возможность для критики как самого перевода, так и авторских комментариев к нему. Не случайно многие известные и поначалу признанные чуть ли не образцовыми специальные издания впоследствии подвергались исправлению, нередко радикальному. Изложенные соображения, независимо от цели переводческой работы, естественным образом формируют круг необходимых условий, соблюдать которые обязан каждый приступающий к переводу исторического источника, особенно столь обширного и многомерного, как «новые конституции» Юстиниана, если он желает достичь значимого научного результата: во-первых, хорошее знание эпохи со всеми её явлениями, институтами и феноменами; во-вторых, максимальная точность при передаче смыслов, заключенных в тексте, при одновременном строгом следовании за каждым словом этого текста; в-третьих, минимальный комментарий, состоящий лишь из пояснений к предложенным при трансляции словам и фразам, отличающимся от буквального перевода, или объясняющий решение сохранить в нём терминологию источника. Соблюдение этих условий, или даже правил, способствует созданию такого перевода, который во многом лишен обычных недостатков своего жанра, достижению наиболее адекватного соотношения исторической и филологической составляющих в переведенном тексте, а также тому, чтобы в максимальной степени приспособить полученный продукт к практическому применению (раз уж подобная цель объективно существует в практике перевода источников), например – в качестве источника первичной информации при изучении какого угодно конкретного вопроса, поставленного исторической наукой.

Анализ предпринимавшихся в отечественной византистике попыток использования новелл императора Юстиниана I показывает, что сформулированные выше правила-условия успешного научного перевода либо представлялись авторам специальных публикаций необязательными, как и присутствие самого перевода в тексте исторического исследования, либо не вполне ими осознавались. В итоге к настоящему времени в историографии сложились две основных разновидности отношения к вопросу о необходимости русскоязычного перевода данного источника.

Одна из них, и первая по времени возникновения, вероятно, основывалась на известной способности большинства занятых изучением позднеантичной и ранневизантийской истории самостоятельно знакомиться с содержанием законодательного источника, написанного на греческом или латыни. Привлечение данных юстинианова законодательства в соответствующих трудах сопровождалось тогда цитированием оригинального, непереуведенного текста или ссылкой на подходящую конституцию из употреблявшегося в тот момент издания. Стоит заметить, что по понятным причинам наиболее последовательно подобный подход применялся по отношению к новеллам Юстиниана, посвященным церков-

ной тематике [например: Курганов, 1880, с. 477, 518, 553, 583, 591; Соколов, 1896¹]. Попытки их частичного перевода на русский встречаются в специальной литературе лишь спустя несколько десятилетий после начала изучения в России истории Византийского государства [Иеромонах Михаил, 1901²]. Отступление от строго научного отношения к используемому источнику и обращение к его переводу, в значительной мере подвергнутому современной литературной обработке, постепенно становится правилом. В начале XX в. в византинистике формируется особое отношение к означенному вопросу, сохранявшее доминирование вплоть до недавнего времени; это другая разновидность отношения к проблеме русскоязычного перевода законов императора Юстиниана. Проявляется оно следующим образом. Как правило, встречающиеся в специальных публикациях образцы русскоязычного перевода юстиниановых новелл весьма точно, хотя и не буквально, воспроизводят содержание приводимых фрагментов или даже целых законов и обычно сопровождаются пояснительными авторскими ремарками и интерпретациями в связи с существом затронутой в историческом исследовании проблемы [например: Успенский, 1996, с. 352–375; Левченко, 1949, с. 12–47; Удальцова, 1967, с. 268–269]. При этом у заинтересованного читателя по-прежнему имеется возможность обратиться к оригинальному тексту использованной императорской конституции и лично проверить точность предложенного перевода. Специфика такой практики перевода новелл состоит, главным образом, в пикантности, которая создается настойчивым присутствием и нерешенностью возникшего вместе с самой этой практикой вопроса о необходимости данной формы перевода в научном исследовании.

Возможным объяснением распространения и живучести описанной формы перевода новелл представляется среда, в которой с некоторых пор происходило потребление этого продукта. С одной стороны, развитие идей просвещения всё более широких слоев населения логически должно было привести к всё более активной популяризации достижений академической науки и данных «экзотических» нарративных источников, к их внедрению в сферу народного образования. С другой стороны, развитие самой науки и неизбежное в этой связи дробление прежде крупных научных направлений сделало необязательным существование в одном исследователе профессиональных историка и филолога-источниковеда, блистательным примером которого служит Теодор Моммсен. Специфичность ситуации, которая сложилась в новейшей исторической науке, и которая породила потребность в особой форме опубликованного перевода новелл, состоит в неуклонном истончении слоя не только отечественных исследователей юстиниановской эпохи, но и вообще исследователей, готовых тратить время на тщательный и полный перевод столь многослойного и потому сложного для понимания и практического использования источника.

В данной связи перевод всего юстинианова законодательства, а не только новелл, на современный общепотребительный язык, подобно вульгарному переводу Библии в свое время, необходимо приветствовать именно с точки зрения просветительской, в частности, – как необходимое условие пополнения поредевшей когорты исследователей византийского культурного наследия новобранцами от науки. Однако тогда в полный рост поднимается проблема культурно-исторической адекватности перевода: должен он получить литературную обработку (в соответствии с устоявшимися российскими традициями) или донести до своего потребителя некий матричный текст, максимально пригодный для всестороннего и объективного анализа и глубоких исторических реконструкций? Проблема формы перевода касается и сопроводительного комментария: если переведенный текст

¹ Интересно заметить, что в этом издании не имеют русского перевода только новеллы Юстиниана, тогда как ссылка на многие другие использованные источники сопровождается переводом соответствующих фрагментов на русский язык.

² В этом издании нашла применение «смешанная» практика – попеременное использование русского перевода отдельных фраз или словосочетаний из новелл Юстиниана и цитат на латыни (из известного латинского издания новелл Юстиниана (например, с. 24–25, 30–31 и т. д.). Очевидно, цитирование греческого в оригинале источника на латыни позволяло, по мнению автора, рассматривать содержание новелл в рамках романистики.

предназначается для профессионального использования, то, очевидно, в нём не найдется места банальностям или тому, что было бы небезынтересно лишь неспециалисту? Поставленные вопросы не имеют однозначного решения, и сформулированные выше правила создания наиболее корректного и адекватного научного перевода следует рассматривать в качестве варианта осмысления существующей проблемы, памятуя о том, что следование им позволяет создать в наибольшей степени функционально полезный продукт, пригодный для использования не только в образовательных и просветительских, но и в разнообразных научных целях, коль скоро востребованность максимально точного перевода исторического источника сейчас необычайно высока.

В качестве примера и образца применения предложенных правил адекватного научного перевода предлагается рассмотреть новеллы императора Юстиниана I, посвященные церковной тематике. Именно эти новеллы снискали наибольшее внимание отечественных специалистов, что результировалось в перевод целиком некоторых из них [Максимович, 2007а, с. 39–50; 2007б, с. 24–54; 2007в, с. 30–43; Сметанин, 2005, с. 176–178]. Наиболее успешными следует признать переводы К.А. Максимовича¹, в которых описанные выше правила в значительной степени соблюдены. По меньшей мере, в известных нам публикациях его переводов очевидны: во-первых, прекрасная осведомленность автора в церковной истории и религиозной политике ранней Византии, во-вторых, следование лучшим отечественным традициям филологически верного перевода с древнегреческого и, в-третьих, стремление передать специфику отраженной в тексте первоисточника исторической эпохи, приобретшей персонифицированные черты благодаря непосредственному участию в его создании императора Юстиниана, при минимальном, тематически ориентированном подстрочном комментарии содержимого новелл. Сказанное вовсе не означает, что работа К.А. Максимовича находится вне критики. Однако в задачи настоящей статьи такая критика не входит. Единственное, что можно вменить в «вину» переводчику законодательных источников К.А. Максимовичу, – это незавершенность предпринятого им труда, в связи с чем полный комментированный перевод хотя бы только «церковных» новелл Юстиниана по-прежнему сохраняет научную и просветительскую актуальность.

Представленный обзор историографии переводов новелл Юстиниана позволяет констатировать важность и определенную необходимость новых усилий такого же рода, но опирающихся на методiku, которая обеспечивает корректную и отвечающую разнообразным, прежде всего, научным потребностям, полную комментированную трансляцию данного исторического источника. Огромность этой задачи предполагает в качестве неременного предварительного действия разбивку корпуса новелл Юстиниана на части по тематическому признаку. Выделение в соответствии с таким принципом «церковных» новелл уже сделано [например: Максимович, 2007в, с. 28; Сметанин, 2005, с. 120]; заметная часть этих новелл уже переведена. Остается, таким образом, продолжить и завершить начатое научное предприятие.

Нынешняя публикация посвящена 3-ей новелле Юстиниана, полного и комментированного перевода которой на русский язык до сих пор не появилось, несмотря на значение этой конституции не только для императорской религиозной политики, но и для развития римского права [Сильвестрова, 2006].

<Nov. Just. 3:> *Тот же василевс <Юстиниан> – Етифанию, архиепископу этого царского Города и вселенскому патриарху:*

Чтобы было определено количество клириков святейшей великой церкви и прочих святейших церквей <этого> счастливейшего Города.

¹ В общем виде теоретические основания его авторской методики трансляции новелл Юстиниана на русский язык изложены, кроме собственно текста переводов, в следующих публикациях: [Максимович, 2007в, с. 29–30; Максимович, Сильвестрова, 2008, с. 140–142].

<Pr.> Уже <прежде> поистине всеобщим и всеохватным законом, писанным и к твоему блаженству и к остальным святейшим патриархам относительно назначения¹ достопочтенных епископов и почтительнейших клириков, а также и жён-диаконисс, мы распорядились, чтобы тех, кто назначаются, было не более прежнего количества, почему нам <и> показалось правильным воплотить это и соответствующим образом, и достойно священных правил². Настоящий же специальный закон мы написали твоему блаженству, определяя относительно количества почтительнейших клириков, кои обретаются здесь <в этом Городе>. Ведь поскольку излишество почти всегда нехорошо, то было бы неплохо, чтобы назначения, которые будут по поводу почтительнейших клириков или стыдливейших диаконисс, не создавали такого <их> числа, что священнейшая церковь с расходами на них попадёт в положение величайшего должника и помаленьку будет ввергаться во всё новую недостаточность. А мы знаем, что вследствие такого рода причины великая святейшая церковь этого царского Города – <материнское> лоно нашей царской власти – обеспокоена великими долгами и окрепнет не иначе, как для начала уберёт отдельные выдачи набожнейшим клирикам и возьмёт немалый денежный заём, предоставив <в обеспечение такового> как ипотечные залоговые выдачи <в виде> своих наилучших поместий и пригородных хозяйств. Вследствие этого мы промыслили вверить самих себя исследованию такого рода дела и понять, каким способом сделать лучше, и какая продолжительность времени <для этого> понадобится. Итак, изучив это со всех сторон, мы открыли, что каждый из тех, кто строил священнейшие церкви в этом счастливейшем Городе, задумывался не только о постройке, но и чтобы от себя предоставить созданным уважаемым <домам> достаточные расходы, и определял, сколько было бы приемлемо назначить для каждой церкви пресвитеров, и сколько – диаконов мужского полу, а также женщин, и сколько – иподиаконов, и, опять же, певцов, а также и чтецов, и ризничих; и сверх того, устанавливал и расходы на молельню, и передавал собственные достаточные расходы тем, кого сам назначил, а если кто и увеличивал <их> множество, то это совершенно никак не расширяло достаточных <затрат> на <изначально определённое> число клириков. И такие правила оставались вплоть до последнего времени; и пока было так, они твёрдо соблюдались домами священнейших церквей, которые были достаточны. И если любезные Богу епископы, всегда учитывая чьи-либо просьбы, увеличивают количество назначений, то множество расходов возрастает до великой безмерности, и кредиторы – отовсюду, и проценты, и всё новые, и кредиторы <становятся настойчивее> уже вследствие недоверия к делу, а <сверх того, начинаются и> отчуждения с принуждением и вопреки законам, и непристойные дела, и несопряжённость с собственным имуществом; <пусть же будет так,> чтобы из-за этой чрезмерности ни поместья, ни пригородные хозяйства не доставались ипотекам и залогами, и вследствие этого не появлялись <в них> кредиторы, и они не доходили до крайней бедности, и были достаточны давать прибыль своим служащим, а дело <чтобы не> вставало на несчастливейший из всех путь, по которому все имущества уходят к кредиторам. Потому нам и досадно говорить <об этом>, и мы заранее заботимся, чтобы ничего такого не случилось. Ведь если никто не испытывает удовольствия от того, что платит сверх своих средств, то как мы должны ощущать такое? И не следует изучать владения на предмет величины расходов (ведь это ведёт одновременно к жадности и нечестию), однако и затраты тех, которые имеются, должны быть измерены.

¹ Слово «назначение» представляется наиболее удачным универсальным переводом термина *sciroton*... а, встречающегося повсюду в новелле, по двум причинам. Во-первых, речь в источнике идет о церковных служителях различного уровня – как о тех, кого рукополагали в сан, так и о тех, кто могли быть только назначенными на должность. Эта двойственность предполагает использование различных терминов при переводе одного оригинального слова – «рукоположение», «назначение» и даже «избрание». «Назначение» кажется наиболее подходящим из них при выборе единственного варианта для перевода столь же уникального термина.

² Nov. Just. 6.VIII: «Однако не подобает, чтобы в будущем совершались чрезмерные <по количеству> назначения религиознейших клириков. То, что было до сих пор, хотя и следовало бы исправить, однако вследствие <недостатка> времени мы это оставляем <на потом>: но впредь определяем, чтобы они не совершались и не обращались в убыток святейших церквей».

Вот почему, следовательно, мы постановляем относительно них и исключаем чрезмерность, ведя дело к известной <операции медицинского> усекновения.

I. Тем самым мы устанавливаем, чтобы те, кто доныне имеются в этой священнейшей великой церкви, оставались там и во всех остальных почтенных домах, то есть: набожнейшие клирики, и жёны-диакониссы, и ризничие – в том количестве, в котором они пребывают (ибо мы постановляем, что не они подлежат сокращению); для будущего же времени не будет никакого другого постановления, пока количество почтительнейших клириков не спадёт до прежней величины, установленной теми, кто возвели священнейшие церкви. Но так как число набожнейших клириков священнейшей великой церкви нашего царского Города определено давно, и было оно весьма маленьким, поскольку <находилось> в одной существовавшей <тогда> священнейшей церкви, а потом и достопочтенный дом святой славной девы и родительницы Бога Марии, поставленный по соседству со священнейшей великой церковью, построен был благочестивой памяти Веринной, и почитаемый дом святого мученика Феодора был освящён славной памяти Спорацием, а ещё к священнейшей великой церкви был приделан почтенный дом святой Ирины, то вследствие этого численность <клириков уже> невозможно низвести до прежней цифры. Ибо этим церквам недостаточны немногие служащие, потому что в этих трёх <молитвенных> домах нет своих клириков, но они суть общие для священнейшей великой церкви и для тех <церквей>, все ведут в них службы, переходя <из одной в другую> согласно некоему кругу и порядку; отсюда следует, чтобы для благочестивого несения службы и величайшим количеством, введённым в священнейшую великую церковь прежними еретиками ради великого Бога и нашего спасителя Иисуса Христа, да и нашими трудами и изменениями, было бы назначено больше, чем <было> сначала.

1. Посему мы решили, чтобы в священнейшей великой церкви было не более шестидесяти пресвитеров, а диаконов мужского полу – ста, да сорока женщин, иподиаконов же – <не более> девяноста, а чтецов – ста десяти, певчих – двадцати пяти, так что всё количество почтительнейших клириков священнейшей великой церкви должно быть четыреста двадцать пять, и сверх того – сто из тех имеющихся, кто называются ризничими. Если же в священнейшей великой церкви этого нашего счастливейшего Города, и в трёх присоединённых к ней достопочтенных домах уже имеется столь большое множество клириков, то никому из тех, кто ныне имеются, исключённым не быть, хотя бы число тех, кого мы нынче определили, было много большим, но и никому впредь не быть прибавленным каким угодно образом к тем, кто имеются теперь, пока количество не уменьшится до этой <указанной> величины.

II. Также следует прибавить, чтобы то, что до сего времени не делалось прилично, совсем не совершалось в государстве, а именно: чтобы многие из набожнейших клириков не признавались достойными служить в тех, в которые они назначены, священнейших церквах либо здесь, либо в провинциях, а прибавлялись к священнейшей великой церкви и к её достопочтенному клиру повсюду через посредство покровительства (*prostasiōj*; *patrocinium*). Впредь мы совершенно запрещаем этому быть. Ибо если в том, что касается достопочтенных монастырей, мы препятствуем переселяться из одного монастыря в другой, то гораздо более не позволяем этого набожнейшим клирикам, и чтобы осуждающие такого рода <их> потребность имели доказательство <их> занятия и <источника> дохода. И если когда-нибудь твоя благость или когда угодно царская власть убедится, что происходит какое-то подобное переселение, то пусть преследует его именно так: прежде, чем случится перемещение на службу имеющегося в недостатке, <пусть> объект будет доведён до вышеназванного нами числа и совсем не прибавится сверх какого-либо количества; ибо мы не допускаем, чтобы это случилось ни по какой-нибудь хитрости, ни каким-либо иным образом. И то же – в отношении священнейшей великой церкви.

1. А во всех прочих церквах, расходы которых формирует святейшая великая церковь, мы нынче же санкционируем, чтобы на выступающие <за рамки по числу служащих в них должности>, подобно же тем, что <упорядочены вышеприведённой> схемой, впредь

никто не мог быть назначен прежде, чем для того, кто выдвигается в штат какой угодно церкви – как издавна определено их устроителями – подойдёт количество пресвитеров и диаконов мужского полу, а также и женщин, и иподиаконов, а равно и чтецов, да и певцов, и ризничих, и совершенно никто пусть не прибавляется. Сами мы также позаботимся, чтобы нечто подобное действовало, и сократим готовых быть назначенными, и никто из наших начальников (*αρχόντων; magistratum*) да не сделает ничего подобного, страшась нашего закона; и у блаженнейшего архиепископа и патриарха этого царского Города должна быть возможность противодействовать назначению, хотя бы распоряжение <о нём> пришло из дворца. Ведь и тот, кто предписывает, и тот, кому предписывается, окажутся под церковным наказанием, если сделают что-нибудь подобное. Да и в прочих церквях, какие бы выгоды и расходы они ни имели от священной великой церкви, не подобает начинать умножение назначений в них и в остальном превосходить в отношении них изначально установленную меру, дабы те, кто, может быть, посвятили себя им, влившись в огромное множество и добавив себя к отделившимся от действующих благочестиво, и вследствие этого не дотягивающие до размера их обеспечения, не впали в величайшую нужду. Если же сверх количества, установленного для священной великой церкви или иных церквей, назначает тот, кто был в <свое> время святейшим епископом священной великой церкви, и почтенные экононы этой же церкви предоставят выдачу из церковных доходов, то пусть сами они и делают расходы от себя из собственного имущества, а тех, кому это выплачивается, допускает блаженнейший патриарх. Потому что <пусть> они знают, что если совершат что-либо подобное, то мы даём разрешение и святейшим патриархам, которые будут после делающего что-нибудь подобное, и будущим экономам, и всем остальным набожнейшим клирикам исследовать подобные <случаи>, и запрещать <такие> действия, и объявлять <от имени> императорской власти, что знающий это сделает <так>, чтобы они возместили священной великой церкви из имущества действующих экономов или допустившего <это> архиепископа. Посему, дабы впредь не случился какой-нибудь такой беспорядок в делах, а также расстройство, направленное на изначально установленный размер, допускается повод назначать <только> в таком <количестве>, чтобы установленная мера не преступалась, и число не превышалось, и вокруг всего этого не совершалась никакая хитрость. Ибо мы совершенно не потерпим, чтобы совершалось это, как сказано, потому что <если и> есть разрешение назначить, но, тем не менее, без предоставления содержания, то это, напротив, является смущением назначающих и устанавливающих невероятное прибавление к счастливым коллегиям <клириков>; далее, <чтобы> имелся повод для чрезвычайно больших обманов, так как они открывают себе иные пути <для проявления> жадности и для расходов на содержание. И, следовательно, мы совершенно запрещаем, чтобы это совершалось даже под видом так называемого церковного взыскания, полагая, что величайшая польза состоит в том, чтобы священная великая церковь не обременялась, и не ограничивалась, и не находилась вечно в недостатке, но чтобы она всегда изобиловала.

III. И как мы определили для них, так <и будет> разумно, чтобы святейший патриарх и скромнейшие экононы всегда заранее беспокоились, чтобы иные расходы, которые происходят из церковных доходов, издерживались на благочестивые и угодные Богу дела, и обслуживали тех, которые действуют в интересах истины, а не имеют алиментарного подспорья в другом месте (ибо именно такие умилоствляют господу Бога), и распределяли церковные расходы не <в зависимости от> покровительств и людских пристрастий к человеческим богатствам, чтобы затем не получилось недостатка в самом необходимом. Пусть же знают любезные Богу экононы, которые существуют теперь, и будущие в любое время, что если они сделают нечто против этого, то и подлежат божественным наказаниям, и обременяются возмещением убытков, <нанесённых> святейшей церкви, из своего имущества.

<Ер.> Итак, мы приказываем, чтобы твоя благость, которая изначально и почти с детского возраста обустроивала святейшую церковь в святом для всякого <верующего> порядке и виде, ибо, без сомнения, происходит из священнического рода, соблюдала это

<определение> постоянно: то, что приносит пользу святым церквам, рассчитывает на вашу заботу не менее чем сама душа.

Дано в 17-й день перед календами апреля в консульство светлейшего мужа Белизария <16 марта 535 г.> <Латинский вариант этой конституции датирован 1 апреля 535 г.>

Общий смысл приведенной новеллы сводится, как давно отмечено в литературе, к стремлению ограничить нерегулируемый прежде рост численности клириков [например: Иеромонах Михаил, 1901, с. 101–102; Сильвестрова, 2006, с. 29–30]. Однако это не единственная сюжетная линия, которую законодатель развивал в связи с основной темой конституции. Дополнительного внимательного изучения требуют, например, такие затронутые в ней вопросы, как: финансовая составляющая церковной политики императора Юстиниана; изменение роли церковной администрации в системе управления в ранней Византии; представления Юстиниана о религиозном основании его политической власти; наконец, личностные взаимоотношения императора и отдельных иерархов православной церкви, прежде всего, – константинопольского патриарха. Можно также вновь обратиться к уяснению значения данного законодательного акта для развития правовой теории и практики в юстиниановскую эпоху.

Последнее, в частности, требует привлечения данных других законодательных источников юстиниановской эпохи, на основании которых затронутые в новелле III вопросы выглядят более сложными, как и смысловой состав самой новеллы. В частности, становится понятно, что проблема быстрого увеличения численности клириков в городах Империи беспокоила Юстиниана I и до издания 3-ей новеллы. Так, одним из ближайших предшественников рассматриваемой конституции, тематически родственных ей, является, по-видимому, постановление, которое традиционно датируется 4 ноября 534 г., и которое, подобно новелле III, было адресовано патриарху Константинополя Епифанию (C.J. 1.4.34). В нём император затронул тему неприличного поведения церковнослужителей в должности от чтеца до епископа включительно, называемых им обобщенно «клириками» (*ibid.*, 5; 9). Несмотря на то, что законодатель демонстрирует свою известную приязнь ко всему религиозному (а клирики у него все сплошь «религиознейшие мужи»), он избрал для нарушителей духовного целомудрия весьма суровые санкции, и, как кажется, на этот выбор повлияли не только представления о должном моральном облике служителя религиозного культа, но и иные обстоятельства. К примеру, актуальной в то время всё еще оставалась проблема фискальной недостаточности городских курий (*ibid.*, 10). Юстиниан, который мог бы ограничиться применением к ослушникам церковной епитимьи или других относительно легких наказаний, тем не менее, настаивал на лишении их звания клирика с вытекающими отсюда тяжелыми для них последствиями¹. Тем самым формировался канал обратного движения того социального лифта, который доставлял соискателей церковного звания к заветной цели.

Но борьба за чистоту рядов клириков не могла стать основным способом решения данной проблемы, и Юстиниан должен был разработать специальные ограничения количественному росту священников. Первой попыткой такого рода стала новелла VI, датированная, как и новелла III, шестнадцатым марта 535 г., однако, судя по ссылке на неё в новелле III, латиноязычный вариант которой был обнародован лишь 1 апреля того же года, эти конституции разделяет более продолжительное время, чем промежуток в пределах одного рабочего дня императорского скриптория. Вероятно, написанная в марте, новелла III и в латинском, и в греческом вариантах увидела свет спустя две недели после новеллы VI. Только так можно прокомментировать фразу из Nov. Just. 3.Pr.: «мы уже <раньше> распорядились <...>, чтобы тех, кто назначаются <на священнические должности>, было не больше прежнего количества». Очевидно, что выражение «уже» (*odh*) вместе с глаголом прошедшего времени не может относиться к событию двух- или трехчасовой давности.

¹ C.J. 1.4.34.11: «Таким образом, мы приказываем, чтобы это всё соблюдалось в этом счастливейшем Городе твоей святостью, и едвиками, и экономами каждой священной церкви, забота которых – расследовать <...> и лишать избалованных общения с церковью и средств пропитания и содержания».

Отдельного места в комментариях заслуживает и сравнение специальной терминологии, использовавшейся в двух разноязычных вариантах текста одной новеллы. Тема эта, сохраняющая актуальность в течение многих веков и пока ожидающая раскрытия вкупе с другими темами, составляющими многоуровневую проблему соотношения латинской и греческой традиций в европейской культуре [Сергеев, 2014, с. 40], достойна специального изучения, однако не упомянуть о ней применительно к рассматриваемой здесь новелле было бы неправильно.

Вероятно, латиноязычный по преимуществу государственный документооборот ранней Византии, переходя постепенно, начиная с V в., на греческий язык, должен был подбирать не латинские эквиваленты греческих понятий, связанных с ним, а, напротив, применять в официальных текстах, писавшихся на «эллиническом наречии», традиционные римские термины, переведенные на древнегреческий при наличии в нём близких им понятий, либо калькированные при посредстве греческого алфавита. Трудно пока сказать, насколько точно придворные референдарии и легисты V–VI вв. учитывали при этом традиционные формы греческого политического словоупотребления (Греческий язык, как известно, изучался будущими юристами в тогдашних «университетах», да и опыт перевода значимых для римлян греческих текстов на латынь насчитывал ко времени правления Юстиниана I не один десяток лет). Как бы то ни было, иногда перевод греческих и латинских терминов, обозначающих одно и то же явление или учреждение, выглядит не аналогично в силу различия римской и древнегреческой политических культур. В новелле III встречается несколько подобных случаев.

Это, во-первых, обозначение столичного города – Константинополя. Примечательно, что само это название («город Константина») употреблялось в законодательном материале юстиниановой эпохи весьма редко [Серов, 2009]. Место своего постоянного пребывания император Юстиниан предпочитал величать просто Городом, как это делали римляне в отношении Рима. Однако в тогдашнем греческом языке не существовало двух разных слов, обозначающих понятие «город» в различных его качествах (слово «митрополия» в данном случае не в счет). Поэтому в публиковавшихся высшей властью билингвальных греко-латинских конституциях греческому *πόλις* почти всегда соответствовал латинский термин *civitas* как технически наиболее близкий. Льстившее же самолюбию верховной ранневизантийской власти понятие *Urbs* вставлялось в латинский вариант новеллы в тех случаях, когда в греческом варианте понятие «столичный город» предполагалось, но в тексте формально отсутствовало¹. При переводе таких мест в новеллах представляется методически верным приводить оба варианта, – и греческий, и латинский, – имея в виду историческую точность и перспективу дальнейшего исследования проявлений эпохи.

Во-вторых, обозначение императорской власти. Как известно, в древнегреческой политической традиции универсальным термином, который соответствовал понятию монархической власти, была *βασίλεια* («царская власть, царство»); он переключался в эллинистическое время, а затем – в ранневизантийскую эпоху [Chrysos, 1978]. Однако в официальном документообороте Ранневизантийского государства наиболее употребительной синтаксической формой при передаче понятия «верховная государственная власть» являлось слово *imperium*. В двух вариантах новеллы III Юстиниана оба термина используются соответствующим образом², что создает некоторую трудность для перевода этого источника как исторического документа. Вероятно, в подобных случаях было бы правильно переводить это слово на русский язык так, как этого требует соответствующий культурно-лингвистический контекст, то есть: «царская власть» для греческого варианта новеллы и «императорская власть» – для латинского варианта.

В-третьих, обозначение единиц административно-территориального деления в империи, главным образом, провинций. Собственно эллинская история такого понятия не

¹ В новелле III такой случай встречается единожды: Nov. Just. 3.Pr.

² Например: Nov. Just. 3.II: *basileia* (*imperium*); II.1: (= *imperio*).

знала, поэтому соответствующая реалия ранневизантийского государственного устройства (*provincia*) обозначалась в греческих текстах того времени различными словами с более общим значением; в новелле III, например, эквивалентом «провинции» выступает *chora* (страна, земля), – слово, которое в большей мере соответствовало бы по значению латинскому слову *terra* (или *regio*)¹. Для точной передачи смысла при переводе с греческого на русский в подобных этому случаях следует, очевидно, использовать слово «провинция» как наиболее точно показывающее историческую специфику.

Наконец, обозначение в тексте новелл позднеимперских властей регионального уровня. По-гречески почти все гражданские начальники назывались архонтами. Более развитый административный вокабуляр римлян периода домината не знал единственного и универсального термина для обозначения государственных служащих; он различал не только уровни государственных чиновников, но и градации в рамках каждого уровня. Даже когда в официальном источнике использовалось общее понятие управленцев, латинская версия могла оперировать несколькими вполне определенными – для римской системы управления – терминами (*iudices, administratores, magistrati*), которые соответствовали «своим» административным нишам, а также смысловой направленности конкретного законодательного документа. В новелле III для греческого слова «архонты» подобрано латинское «судьи»², весьма удачное для данного контекста, в котором имеются в виду столичные и провинциальные начальники с судебными полномочиями. Именно это слово («начальники») кажется наиболее уместным для перевода обоих вариантов рассматриваемой новеллы.

Предложенные комментарии к переводу новеллы III Юстиниана представляют собой минимум необходимого, и потому могут быть дополнены более конкретными, тематическими ремарками или экспресс-исследованиями. Но тогда перевод утратит свойство основной задачи предпринятого исследования и изменит его суть. Таким образом, на приведенном примере можно убедиться в необходимости придерживаться сформулированных выше правил адекватного перевода как для развития данного исследовательского направления, так и для более глубокого изучения названного отрезка исторического времени.

Список литературы References

1. Иеромонах Михаил. 1901. Законодательство римско-византийских императоров о внешних правах и преимуществах церкви (От 313 до 565 года). Казань, Типография Императорского университета, 311.
Ieromonah Mihail. 1901. Zakonodatel'stvo rimsko-vizantijskih imperatorov o pravah i vneshnih preimuschestvah cerkvi (ot 313 do 565 goda). Kazan', Emperor's university, 311 (in Russian)
2. Курганов Ф. 1880. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи. Казань, Типография Императорского университета, 722.
Kurganov F. 1880. Otnosheniya mezhdru cerkovnoj i grazhdanskoj vlast'ju v Vizantijskoj imperii. Kazan', Emperor's university, 722 (in Russian).
3. Левченко М.В. 1949. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи. Византийский временник, 2: 11–59.
Levchenko M.V. 1949. Cerkovnye imushhestva V–VII vv. v Vostochno-Rimskoj imperii. Vizantijskij vremennik, 2: 11–59 (in Russian)
4. Максимович К.А. 2007а. Законодательство императора Юстиниана I о монашестве (часть 1): новеллы V и LXXIX. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия Богословие. Философия, 4(20): 38–51.
Maksimovich K.A. 2007a. Zakonodatel'stvo imperatora Justiniana I o monashestve (chast' 1): novelly V i LXXIX. Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija Bogoslovie. Filosofija, 4(20): 38–51 (in Russian).

¹ Nov.Just. 3.II.

² Nov.Just. 3.II.1.

5. Максимович К.А. 2007б. Новелла СХХIII св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) «О различных церковных вопросах» (перевод и комментарий). Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия Богословие. Философия, 3(19): 22–54.

Maksimovich K.A. 2007b. Novella СХХIII sv. imperatora Justiniana I (527–565 gg.) «O razlichnyh cerkovnyh voprosah» (perevod i kommentarij). Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija Bogoslovie. Filosofija, 3(19): 22–54 (in Russian).

6. Максимович К.А. 2007в. Церковные новеллы св. императора Юстиниана I (527–565 гг.) в современном русском переводе: Из опыта работы над проектом. Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия Богословие. Философия, 17: 27–44.

Maksimovich K.A. 2007c. Cerkovnyye novelty sv. imperatora Justiniana I (527–565 gg.) v sovremenном russkom perevode: Iz opyta raboty nad proektom. Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija Bogoslovie. Filosofija, 17: 27–44 (in Russian).

7. Максимович К.А., Сильвестрова Е.В. 2008. Рец. на: Избранные новеллы Юстиниана / В.А. Сметанин, введ. ст., пер., комм. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. 340 с. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия Богословие, 1(11): 136–142.

Maksimovich K.A., Sil'vestrova E.V. 2008. Rec. na: Izbrannye novelty Justiniana / V.A. Smetanin, vvod. st., per., komm. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2005. 340 s. // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija Bogoslovie, 1(11): 136–142 (in Russian).

8. Сергеев М. 2014. Греческо-латинский словарь 1537 года: свидетельства составителя и издателя. Vox medii aevi, 1 (11): 40–46.

Sergeev M. 2014. Grechesko-latinskij slovar' 1537 goda: svidetel'stva sostavitelja i izdatelja. Vox medii aevi, 1 (11): 40–46 (in Russian).

9. Серов В.В. 2009. Отношение византийских императоров VI в. к Константинополю: к опыту изучения столичных эпитетов. Византийский временник, 68: 48–58.

Serov V.V. 2009. Otnoshenie vizantijskih imperatorov VI v. k Konstantinopolju: k opytu izuchenija stolichnyh jepitetov. Vizantijskij vremennik, 68: 48–58 (in Russian).

10. Сильвестрова Е.В. 2006. Новелла III Юстиниана и юридическая природа прав церкви Константинополя на ее имущество в начале VI в. н. э. Византийский временник, 65(90): 29–36.

Sil'vestrova E.V. 2006. Novella III Justiniana i juridicheskaja priroda prav cerkvi Konstantinopolja na ee imushhestvo v nachale VI v. n.e. Vizantijskij vremennik, 65(90): 29–36 (in Russian).

11. Сметанин В.А. 2005. Избранные новеллы Юстиниана: вводная статья, перевод и комментарий. Екатеринбург, УрГУ, 340.

Smetanin V.A. 2005. Izbrannye Novelly Justiniana [Selected Novels of Justinian]. Ekaterinburg, Ural state university, 340 (in Russian).

12. Соколов Пл. 1896. Церковно-имущественное право в Греко-Римской империи. Новгород, Типография И. Игнатовского, 300.

Sokolov P. 1896. Tserkovno-imushchestvennoe pravo v Greko-Rimskoj tserkvi. Novgorod, I. Ignatovskij' Printing-House, 300. (in Russian)

13. Удальцова З.В. 1967. Церковная политика Юстиниана. Народно-еретические движения в империи. В кн.: История Византии в 3-х тт. Т. 1. М., Наука, 260–279.

Udaltzova Z.V. 1967. Ecclesiastical Policy of Justinian. In: Istorija Vizantii. Moscow, Nauka: 260–279 (in Russian)

14. Успенский Ф.И. 1996. История Византийской империи. М., Мысль, 827.

Uspenskij F.I. 1996. Istorija Vizantijskoj imperii. 2-nd ed. Moscow, Mysl, 827 (in Russian).

15. Chrysos E.K. 1978. The Title βασιλεύς in Early Byzantine International Relations // Dumbarton Oaks Papers. № 32: 29–75.